

ства и юношеских лѣтъ Бородина живо рисуютъ отношенія Бородина, въ 70-хъ годахъ, т. е. въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, къ артистамъ нашей оперы, и ихъ къ нему, а также симпатичныя и усердныя хлопоты Бородина по части устройства дирижируемыхъ имъ концертовъ въ пользу студентовъ медицинской Академіи—и это, не взирая на то малое время, которымъ онъ могъ располагать, какъ профессоръ-хитикъ и какъ художникъ-композиторъ.

Печатаемая здѣсь письма двухъ высокихъ нашихъ музыкантовъ прибавляютъ, мнѣ кажется, не мало симпатичныхъ, интересныхъ и важныхъ чертъ къ душевному облику и біографическому портрету ихъ.

В. Стасовъ.

I.

## Письма М. П. Мусоргскаго.

I. Къ Л. И. Кармалиной.

1.

Въ Петроградѣ, 5 декабря 73.  
Милостивая Государыня

Любовь Ивановна!

Вы мелькнули въ нашей музыкальной семьѣ. Я понялъ васъ. Вы уѣзжаете въ даль. Какъ напутствіе, примите мою просьбу: въ часы досуга вспоминать, что въ Петроградѣ живеть нѣкій музыкантъ, ожидающій отъ васъ посланія по раскольниковымъ дѣламъ. Это дерзко со стороны реченнаго музыканта, но что же дѣлать? Въ исповѣданіи религіи, дерзость въ области этой религіи признается вѣрностью.

Горячо благодарю васъ, Любовь Ивановна, за художественныя бесѣды—онѣ мнѣ памяты. Еще одна хорошая художественная личность прибавилась къ немногочисленному, но богатому альбому моихъ симпатій. Это отрадно. Если можете—не забывайте меня.

Мусоргскій.

2.

Петербургъ. Шпалерная № 6.  
23 іюля 74 г.

Милостивая Государыня

Любовь Ивановна!

Оправдываться не хочу; притворяться предъ вами—не могу. Примите „съ повинною“. Вы художникъ, и съумѣете это сдѣлать отъ сердца мысли. Но благодарить васъ крѣпко—могу, и бесѣдовать съ вами по родному намъ искусству—хочу.

То, что вамъ угодно было такъ товарищески-художественно сообщить мнѣ, еще въ декабрѣ прошлаго года, порадовало меня и оправдываетъ мои стремленія въ исторической музыкальной драмѣ. Я хочу бесѣдовать въ особенности о раскольниковѣй пѣсни. Столько въ ней страды, столько безотговорочной готовности на все невозможное, что, безъ малѣйшаго страха я дамъ ее унисономъ въ концѣ „Хованщины“, въ сценѣ самосожиганія. Мелизмы (родъ группетокъ) я вполне понимаю, и въ unissono in 8-ва напѣвъ мелизматическій повѣсть стариной и правдой; самый псевдоцерковный текстъ пѣсни очень кстати. Будьте благосклонны, Любовь Ивановна!

Но въ воздухѣ звучитъ глаголь „подтянуть“ и „Хованщина“ явится (буде суждено) попозже, а раньше представится комическая опера „Сорочинская ярмарка“, по Гоголю. Это хорошо какъ экономія творческихъ силъ. Два пудовика: „Бористъ“ и „Хованщина“, рядомъ, могутъ придавить, а тутъ еще, т. е. въ комической оперѣ, та существенная польза, что характеры и обстановка обусловлены иною мѣстностью, инымъ историческимъ бытомъ, и новою для меня народностью. Матеріалы украинскаго напѣва до такой степени малоизвѣстны, что непризванные знатоки считаютъ ихъ поддѣлкою (подъ что?); они накопились въ изрядномъ количествѣ. Словомъ, работа на чеку: лишь-бы силъ да разума. Но тѣмъ временемъ и „Хованщина“ не дремлетъ. Настроенія творческія неуловимы и капризныѣ капризнейшей кокетки; такъ надо ихъ ловить, подчиняясь всецѣло ихъ капризнымъ велѣніямъ. А какъ не ловить, когда мерещилось мнѣ, что раскольниковѣй распѣвъ долженъ заключать въ себѣ